

АЛЕКСАНДР
МАТЮХИН

ГОРОД
СТЯШ

ЭТО МЕСТО НЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ

ДОМ ТЬМЫ

Александр Матюхин

Город Спящих

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Матюхин А. А.

Город Спящих / А. А. Матюхин — «Эксмо», 2021 — (Дом тьмы)

ISBN 978-5-04-157100-9

Тошику исполнилось шестнадцать, а Вике, его сестре, шесть, когда родители пропали. Ребята узнали, что их папа на самом деле — охотник за нечистью, а мама — проводник в мир мёртвых! Много лет назад они сбежали из Города Спящих, хотели жить простой человеческой жизнью... И вот теперь Тошик и Вика отправляются в тот самый Город Спящих, чтобы найти родителей. Им нужно быть предельно осторожными: Забытый Зверь отправился на охоту, огромный, косматый, набравшийся смелости и сил. И он идёт по их следу. Хватит ли смелости и сил у брата и сестры, чтобы завершить начатое?

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-157100-9

© Матюхин А. А., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог	6
Часть первая	7
Где-то у моря, через две недели	7
Две недели назад	12
Туда и обратно	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Александр Матюхин Город Спящих

Пролог

Зверь выбрался из леса на закате. Остановился, осторожно приюхиваясь.

Запахи – единственное, что он сейчас впитывал. Зрение и другие чувства ещё не вернулись, на это всегда уходило много времени после перерождения. Разве что ощущалось, как внутри тела растворяются сущности пойманных в лесу людей и прочих тварей, которые теперь давали ему жизнь. Удачная вышла охота...

Сколько времени прошло с тех пор, как Зверь ушёл вглубь леса и затаился, готовясь к новой метаморфозе? Десять лет? Двадцать? Лес вокруг не менялся, как и небо над головой, звёзды или солнце. Невозможно было вычислить, да Зверь и не пытался. Сейчас он просто хотел заново начать жить.

Вокруг пахло перегноем, влажным мхом, туманом. А ещё – горячим асфальтом, бензиновыми испарениями. Лапы погрузились во что-то мягкое и прохладное. Зверь замотал головой, пытаясь уловить ориентиры. Наконец – нашёл. Медленно направился на запахи, которые манили его.

Через минуту или две Зверь подошёл к трассе и замер в траве, выжидая. Он снова начал трансформироваться, как умел. Лапы укоротились, шерсть втянулась, по морде прошла мелкая рябь, стирая черты и вырисовывая новые. Прошла минута или около того, а Зверь уже был не зверем, а обнажённым человеком – лысым, нескладным, с пустыми провалами вместо глазниц.

Человек втягивал носом воздух. Повернул голову налево, в ту сторону, откуда показался из-за поворота одинокий велосипедист. Тот ехал в город, ни о чём не подозревая. Ведь это только в сказках и фантастических фильмах из леса вдруг может появиться чудовище. В реальной жизни такого не бывает... по крайней мере, так наивно думали многие до встречи со Зверем.

Он вышел на трассу, когда запах велосипедиста был уже совсем близко. Приготовился к прыжку. Оскалил новенькие, только что отращенные клыки.

И прыгнул.

Часть первая

Где-то у моря, через две недели

1

В этом городе было много дыма, маленьких домиков и старых заборов. Дороги – непривычно пустые. Улицы – тихие. Про автомобили здесь не знали или давно забыли. По крайней мере, несколько человек, встретившихся на пути, с удивлением провожали взглядом старый вишнёвый «Форд», тархтевший на первой передаче по рассыпающемуся в крошку серому асфальту и мелкой гальке.

Не самое лучшее место для детей. Если в этот городок кто и заглядывал, то только для того, чтобы остаться навсегда. Последняя дорога уставших путников на берегу моря.

– Мне кажется, это и есть тот самый край света, – сказала Вика, поглядывая в окно.

Она говорила так о каждом крохотном городке, который проезжали. Очень ей хотелось закончить, наконец, путешествие, остановиться. А путешествие не заканчивалось вторую неделю.

Тошик не ответил. Он поглядывал на шарик из блестящей фольги, лежащий на панели за рулём. Шарик бы обмотан посередине толстой красной нитью, и свободный конец этой нити скользил по нагретому пластику, словно живой, словно это красная змейка искала выход из автомобиля, хотела вырваться из душного салона и уползти на свободу, в траву или куда-то ещё, подальше отсюда.

– Как город называется? – бубнила с заднего сиденья Вика. – Мы вообще проезжали какую-нибудь табличку?

– Рыбацкий или Рыбачий. Что-то про рыбу. – Тошик вспомнил бетонный обелиск на въезде, изображающий то ли рыбу, то ли огурец. Обелиск, как положено, был старый, потрескавшийся, у его основания пучками росли рыжие кусты. – Море справа, полкилометра. Соль, чувствуешь? На губах. В воздухе.

Вика шумно втянула крохотным носом воздух.

– Ленка-пенка о чём-то таком и говорила, – сказала она. – Мы сами должны почувствовать, что приехали.

Сквозь окно без стекла вползал тяжёлый жаркий воздух – действительно, с привкусом соли. Кондиционер в машине не работал.

Тошик не подозревал, что постоянная, тягучая жара вот так запросто может свести его с ума. Две недели назад, в начале путешествия, было ещё по-весеннему прохладно, а воздух если и прогревался днём градусов до двадцати, к вечеру неизменно остывал, становилось промозгло и неприятно, и от того негде было спрятаться. Сейчас всё иначе. Теперь мечталось о прохладе.

Вика, помолчав, сказала:

– Есть хочу.

Это означало, что через пять или десять минут она начнёт проситься в туалет, помыть руки, передохнуть, высморкаться, прилечь на мягкую кровать – много чего начнёт просить, лишь бы выбраться ненадолго из автомобиля и размять ноги.

Ей было всего шесть. Сложно требовать от ребенка быть терпеливой и рассудительной. Тошик это понимал – головой, но иногда очень хотелось, чтобы Вика была взрослой. Хотя бы

ненамного. Как Вовка Зацепин или Ленка-пенка, например. Взрослость рождает ответственность. Раньше он и не подозревал, какво это – постоянно возиться с ребёнком.

Но ей было шесть. А Тошику три месяца назад исполнилось шестнадцать. Пропасть. Он – взрослый. Она – мелкая. Он – понимает, что происходит, а она – всё ещё фантазирует. Любит танцевать, беззаботно подпевать весёлой песенке из радио, играть с куклой Лялькой, которую прихватила с собой (расчёсывает волосы, укладывает спать, переодевает, как же это по-девчачьи!).

Это только в книжках можно посадить ребёнка рядом с собой и объяснить ему несколько простых истин: двое детей отправились неведомо куда, чтобы найти непонятно что. Вернее, сначала их было пятеро... Да и цель вполне себе логичная – разыскать место, где можно ожить маму. Она же как Спящая красавица, только ей не нужен поцелуй принца, а нужен Дом, тот самый, из сказок...

Что ещё? За ними гонится существо, которое называют Забытым Зверем, а в багажнике лежит... даже думать страшно... И в книжке шестилетка всё обязательно поймёт с первого раза, начнёт вести себя по-взрослому, перестанет задавать миллион наивных вопросов, перестанет просить остановки каждые два часа, не будет капризничать, требовать внимания и вести себя как типичный капризный ребёнок. Но не в настоящей жизни. Тут всё сложнее, Тошик уже понял. Простыми словами не обойтись, нужны действия и поступки.

Глупо было требовать от Вики быть персонажем сказки. Все простые истины испарялись из её светлокудрой головы со скоростью света. Ничего серьёзного не задерживалось. Вот и сейчас...

– Есть хочу, – повторила Вика и в её голосе зародились первые звонкие капризные нотки. – И пить. Холодной кока-колы. Интересно, в этом городе вообще знают, что такое кока-кола? Может быть, тут одной рыбой питаются?

Легче было сделать так, как хотела Вика, в этом Тошик давно убедился. Он не мама, не воспитательница и не няня. Да и не готов был к такому повороту в своей жизни. Всего месяц назад Тошик собирался окончить десятый класс, подтянуть две тройки по географии и истории, а потом отправиться в летний лагерь вместе с друзьями-одноклассниками. А в лагере, если признаться, он хотел познакомиться поближе с рыжей Катькой Ольховой, подружиться, там, обменяться телефонами, всё такое... В его планы точно не входило путешествие на край света с малолетней сестрой на заднем сиденье.

Тошик свернул на обочину, вдавил педаль тормоза. Под колёсами захрустел гравий.

Дорога была узкая, неровная, извивалась до самого горизонта, обставленная с обеих сторон крохотными одноэтажными домиками, синими и серыми заборами, утыканная фонарными и электрическими столбами, как линияльный старый ёж. Среди серого безлюдного однообразия выделялось невдалеке тёмное здание с широким крыльцом и даже с велосипедной парковкой. Над крыльцом висела табличка с надписью «САМОБРАНКА».

Вика выскочила первой. Перебежала на тротуар, присела перед цветами с ярко-рыжими бутонами.

– Смотри, какая красотища! Можно сорвать? На память! Я решила – хочу оставлять на память что-нибудь из каждого города, где мы останавливаемся. Можно?

В её кудрявую голову каждый день приходили новые мысли. Генератор нелепых мыслей.

– Завянут, – ответил Тошик, выбираясь из салона в вязкое желе духоты. – Нам придётся их выбросить. Вот и вся память.

Если подумать, воспоминания похожи на цветы. Они тоже вянут – их тоже выбрасывают. К концу жизни под ногами оказывается ковёр из высохших бутонов, стебельков и листьев, на которые ложится человек, чтобы погрузиться в вечный сон смерти.

– Я всё равно сорву. Один. Маме. – Вика дёрнула стебель, потянула, сдирая листья, надломила цветок и оторвала его. – Это будет подарок, когда мамочка проснётся.

– Сомневаюсь, что она проснётся... сегодня.

– Вечно ты ворчишь. Не знаю, что с тобой делать.

Мама всегда так говорила, когда расстраивалась от их плохих поступков.

Тошик посмотрел на Вику, которая нюхала сорванный цветок. А ведь она была очень похожа на маму – характером, внешностью, вот этой вот беззаботной лёгкостью и фантазиями. Кругом давящая на мозги жара, пахнет морем (настоящим, солёным, едим до безобразия), духота невыносимая, а Вика нюхает цветок, хихикает и о чём-то лопочет со своей куклой. Секретничают.

Тошик взял с собой шарик из фольги, зажал во вспотевшей ладони. Кончик красной верёвки безжизненно свисал между пальцев, будто взъерошенный хвост неведомого животного.

– Пойдём, посмотрим, что можно перекусить. До темноты надо ещё километров сто проехать.

– Думаешь, это не наш город? – Вика вложила ладошку в ладонь брата.

– Пока не знаю.

Тошик зашёл в кафе первым и сразу продрог от ледяного воздуха. Работал кондиционер, где-то играла музыка. Столики, выстроенные в два ряда по пять, были пусты. За стойкой справа стояла женщина, у которой был большой рот с напимаженными губами и синие овалы теней вокруг больших же глаз. Женщина смотрела телевизор, висящий под потолком. По телевизору показывали какую-то передачу без звука. Качество было дрянное, с помехами. Заметив посетителей, женщина лениво провела ладонью по седым волосам и пробормотала будто себе под нос:

– Людским духом пахнет.

Голос у неё оказался скрипучий. Как сказала бы мама: прокуренный так, что скоро лёгкие через горло вывалятся.

– В каком смысле? – не понял Тошик. – У вас поесть можно?

– Забронировано, – произнесла женщина, разглядывая посетителей. Откуда-то из-за её спины тянуло едва слышно: «И когда на море качка, и бушует ураган...» – Все столы. Готовим по спецзаказу. Лишней еды не держим.

– Но ведь пусто же.

– Это голова у тебя пустая. А столы заняты. Еды я вам не дам. Нужно ночь переждать, не слышали о таком? – Она втянула носом воздух, прищурилась и тяжело покачала головой. – Вы откуда вообще такие залетели? К нам, считай, давно уже никто не заглядывает. Заблудились, что ли?

Тошик почувствовал, как в кулаке медленно проворачивается шарик из фольги. Огрызок нити шевельнулся, завязался самопроизвольно в несколько тугих узлов. Вика охнула, крепче сжала ладонь.

– Пойдём отсюда, – шепнула она. – Не люблю рыбу. Хочу огурец или бутерброд с колбасой. Найдём?

– Уезжайте отсюда, – произнесла женщина ласковым, материнским голосом. – Нечего вам тут делать, детишки. Бегите, что есть мочи. И ничего не ешьте, ни крошки хлеба, ни капли воды до заката. Иначе обратной дороги не найдёте. Ясно вам?

Она ещё пару секунд разглядывала детей, потом отвернулась к телевизору. По экрану сквозь помехи мелькала реклама стирального порошка. А где-то из недр кафе лилась, с перебивками, мелодия из старого фильма.

– Пойдём. – Ещё раз шепнула Вика и потянула Тошика к дверям. – Ляльке тут тоже не нравится совершенно.

Когда они уже выходили, женщина сказала им в спины:

– Цветок выбросите. Не положено.

2

От навалившейся жары стало подташнивать. Тошик сглотнул, огляделся. Улица в обе стороны была пуста. Городок словно вымер. Всё здесь вдруг показалось неухоженным: оградки газонов с облинялой краской, щербатые бордюры, мусорные баки, обвитые хмелем (да ещё и прогнившие основательно, с пятнами ржавчины на боках), накренившиеся столбы с обвисшими проводами. Серое и унылое зрелище, в очередной раз напомнившее Тошику простую истину – без цели люди не живут, а выживают. Здесь жить было незачем.

Хотелось быстрее сесть в машину и уехать, особенно после слов странной женщины. Но как раз сейчас уезжать уже было нельзя. Тошик раскрыл ладонь, и они с Викой, прямо там, на крыльце кафе, несколько секунд наблюдали за шариком из фольги. Он как живой: крутился-вертелся, взмывал в воздух, будто кто-то невидимый подкидывал его. На измятых боках сверкало солнце. Красная нить извивалась, завязывалась в узлы, тут же развязывалась, слепо тыкалась в разные стороны.

– Это наш город, да? – повторила Вика. – Как в маминых книжках. Всё сходится. Мы приехали!

Тошик пожал плечами.

Как-то несколько лет назад папа взял его в одну долгую поездку: ехали четыре с половиной дня, останавливались на ночлег в отелях вдоль дороги, обедали на автозаправках, покупали ход-доги, в которых горчицы и кетчупа было больше, чем теста в булочках. Чем ещё занимались? Ах, да. Бесконечно болтали о разном, разглядывали тянущиеся по сторонам поля, дома, снова поля, столбы, леса и, наконец, горы. На бардачке у папы лежал такой же вот шарик фольги, обмотанный нитью. Лежал неподвижно до поры до времени. Но как-то раз он ожил – начал крутиться и подпрыгивать. Нить дрожала и вытягивалась в определённую сторону. Тогда отец сказал: «Похоже, мы нашли, что искали». Он сделался серьёзным. Мчались по узкой трассе к горам несколько часов без остановок. Остановились на закате. Шарик к тому моменту будто сошёл с ума. Он прыгал и бесновался в бардачке. А ещё от него как будто разлетались в сторону крохотные красные искорки.

Папа сказал: «Подожди здесь», взял шарик, вышел из автомобиля и ушёл в лес справа от обочины. Он пропал в темноте, и его не было очень долго, несколько часов. Уже совсем стемнело, Тошик слушал радио, играл в телефоне – и ощущал нарастающий страх. Он был один где-то на дороге у гор и леса. Над макушками деревьев выползла полная луна. Мир сузился до подмигивающих огоньков на панели радио, до урчания мотора и яркого экрана телефона. А что, если папа не вернётся? Что, если с ним что-то случилось?..

Он вернулся, без шарика, но зато с рассечённым в кровь лбом и с большой клетчатой сумкой, в которой, судя по всему, лежало что-то тяжёлое. Отец уложил сумку в багажник, долго поливал лицо водой из бутылки, вытирался засаленным полотенцем, фыркал, потом уселся за руль и произнёс каким-то повеселевшим голосом: «Ну, одной фиговинной в этом мире меньше». После этого они поехали обратно и вернулись домой гораздо быстрее – уже к вечеру.

Тошик не задавал вопросов, хотя понимал, что произошло нечто странное. Раньше папа ничего такого не делал. И уж точно, он никогда не брал сына в дальние поездки, хотя уезжал время от времени и на неделю и даже на две.

Папа заговорил сам, за несколько часов до того, как они подъехали к городу.

– Когда подрастёшь, мы с мамой всё объясним, – произнёс он, глядя на дорогу перед собой. – Года через три-четыре точно. Когда станешь достаточно взрослым, чтобы не верить в сказки. Главное, попрошу тебя, ничему не удивляйся. И не болтай, хорошо? А пока держи.

Он протянул ему смятый шарик фольги, обмотанный нитью. Тошик взял, повертел в пальцах, не зная, что с ним делать.

– Никогда его не теряй. Придёт время, он покажет дорогу.

– Куда?

– В нужное место. Оно разное бывает. Никогда не знаешь наверняка, куда приедешь. Но главное, что это место – единственно верное.

– Пап, ты говоришь будто персонаж из маминых книг. Плохой персонаж.

– Мама пишет то, о чём знает наверняка. – Первое правило писателя, – папа ухмыльнулся. – Она считает, что ты слишком маленький, я её поддерживаю. Чуть позже расскажем тебе, кто мы на самом деле. Но не сегодня.

– А кто мы?

У Тошика закружилась голова от такого обилия непонятностей и странностей. Папа ухмыльнулся ещё шире, повернулся, продемонстрировав сыну полоску шрама на лбу – засохшую корку крови, расползшуюся от уха до уха.

– О, наберись терпения, – сказал он. – И ещё раз прошу – не болтай. Придёт время, и я всё расскажу сам.

Однако он ничего не рассказал. Не успел. Зато рассказали незнакомые люди, и это случилось намного позже.

Две недели назад

1

Тошик не помнил, как в их компании появилась Ленка-пенка. Она как будто всегда была: вставала в ворота в уличном футболе, когда никто не хотел быть вратарём, спорила о том, кто круче – Человек-паук или Бэтмен (злодеи у Бэтмена определённо сильнее будут), а еще у неё постоянно была с собой еда, которой так не хватало ватаге шестнадцатилетних пацанов, каждый день после школы проводящих на футбольном поле или на заброшенной стройке около новенького микрорайона.

У Ленки за спиной висел потрёпанный рюкзак с одной оторванной пуговицей и парой значков каких-то девчачьих музыкальных групп. Он как будто был пустой, но Ленка постоянно извлекала из него то пакет с бутербродами (колбаса, сыр, масло!), то бутылку минералки или чипсы (как правило, надорванный пакетик), какие-то шоколадки или даже конфеты.

– Берите, у меня ещё есть, – говорила Ленка.

Тогда пацаны рассаживалась у кромки стадиона, вытянув ноги, блаженно подставляя вспотевшие лица едва тёплому весеннему солнцу, и начинали есть. Ленке пели хвалебные оды, поскольку после игры не хотелось идти в магазин. Кто-нибудь неизменно спрашивал:

– Откуда ты такая взялась?

На что Ленка отвечала:

– От лешего и ведьмы.

Шутка, застревающая в зубах, но её было достаточно, чтобы никто больше не задавал вопросов.

Кроме Ленки в их компании девчонок не было, но это не специально, а как-то, что ли, само собой. Никто Ленку не прогонял, а Вовка Зацепин из второго подъезда однажды сказал, что Ленка-пенка не девчонка, а пацан, в том смысле, что с ней ни капли «не напряжно».

Остальные с ним соглашались. Во-первых, потому что Ленка действительно всем нравилась, во-вторых, вела она себя «по-пацански».

Например, Ленка умела драться. Недели через две после того, как она появилась, на футбольную площадку заглянули студенты из техникума неподалёку. Они иногда бродили по микрорайону, усаживались на скамейках у подъездов или ещё где, выпивали, включали музыку в колонках и вели себя так, что даже взрослые предпочитали огибать их стороной. В тот раз четверо этих самых «технарей» уселись на зрительские кресла. Поначалу они вели себя, как обычно, потом то ли закончилась выпивка, то ли душа потребовала веселья. Они пошли на футбольное поле и начали задирать Тошика и остальных играющих. Попытались отобрать мяч, вальяжно толкали, заламывали руки. Артёму по кличке Клоп (за высокий рост и прыгучесть) сделали подсечку, и он упал щекой во влажную грязную траву. Один из «технарей», белобрысый, высокий и худой, с чёрными кругами под глазами и с выбитым передним зубом, ухватил Ленку за локоть, хмыкнул:

– Кто это тут у нас? Девочек подвезли? Не хочешь большой и чистой любви, красотка?

Тошик тоскливо посмотрел на окна своего дома. Драться он не умел. Была призрачная надежда, что в происходящее вмешаются взрослые, сидящие на детской площадке неподалёку. Но среди взрослых желающих не нашлось. А отступить, при всём при этом, было зазорно. Тут уж лучше попытаться дать отпор и заработать пару синяков, ссадин и ушибов, чем робко промолчать. Тем более, когда обижают девочку. Он уже перехватил решительный взгляд Вовки Зацепина и остальных, сжал кулаки, готовый рвануться в беспощадный бой, но тут случилось неожиданное.

Ленка выскользнула из крепкой хватки белобрысого и что есть силы ударила его пяткой по коленной чашечке. Кажется, хруст слышали во всём дворе. А следом – болезненный тонкий вопль. «Технарь» запрыгал на одной ноге, обхватив вторую руками. Ленка же, удивительно проворно вытащив из рюкзака стеклянную полулитровую бутылку из-под «Тархуна» – почему-то пустую – замахнулась и швырнула её в широкоплечего парня, который ростом был едва ли не вдвое выше неё. Бутылка угодила парню аккурат по голове, издала глухой звук и отлетела в сторону. Парень зашатался, руки взметнулись вверх.

– Убью! – заорал третий, стоящий ближе всех к Ленке.

Он был неуклюж и пьян. Ленка без труда отпрыгнула от него в сторону, подхватив рюкзак, и звонко закричала:

– Бежим, пацаны! Кто последний – тот мертвец!

Тошика и остальных дважды звать не пришлось. Их словно спустили с тетивы, пять пернатых стрел. Тут уже никто не думал о том, что убежать – позорно. Это было не бегство, а тактическое отступление после нанесения урона противнику. Вслед неслась отборная ругать. Около бегущего Тошика со звоном приземлилась пустая бутылка. Признаться, ноги у Тошика в тот момент были ватными, а сердце от страха стучало так, будто им боксировали. Он прокручивал в голове последствия. Думал о том, что будет завтра или послезавтра, если эти самые «технари» вернутся на стадион или начнут искать виноватых по дворам и школам. Последствия – вот чего нужно бояться, когда совершаешь безумные поступки. Но об этом, конечно же, мало кто думает заранее.

Навстречу им бежали две женщины. Наконец-то взрослые поняли, что в мире подростков происходит что-то серьёзное. Удивительно, как взрослые умеют не замечать проблемы, пока не наступает критический момент.

Ленка мчалась первой, а за ней все остальные. Тошик не оглядывался. Рядом пыхтел Серёга Шмыга (у него была какая-то другая фамилия, настоящая, но он так громко всё время шмыгал носом, что никто не звал его иначе чем Шмыга).

– Ты видал? – говорил он, выплёвывая слова вместе с горячим дыханием. – Ты видал, как она его, а? Безумная!

Конечно, видал.

Они выбежали со двора, свернули по дороге к проспекту, затем через небольшой парк, по известному каждому из них маршруту к недостроенному дому. Стройка уже несколько лет как была заброшена. Никто не жил в синих кабинках, никто не охранял территорию. Краны и прочая строительная техника давно исчезли. Зато в недостроенных четырёх этажах на три подъезда обосновались подростки со всей округи. Там легко можно было спрятаться от кого угодно.

Пролезли через узкую трещину в пластиковом синем заборе. Здесь могли протиснуться только либо совсем маленькие, либо худые. Вовка Зацепин, например, пробирался с трудом и как-то даже оторвал себе тут кусок рубашки, зацепившись за острый край.

Уже за забором, в тишине брошенной стройки, все остановились отдышаться, собрались в круг и оглядывали друг друга широко распахнутыми глазами. Пять пар испуганных глаз. Тошик потом долго помнил эти взгляды. Было в них что-то безумное, бунтарское, будто какие-то сложные чувства – страх вперемешку с вседозволенностью, с желанием немедленно повторить, но при этом с ещё большим страхом – вырывались наружу.

– Ленка-пенка, ну ты, блин, даёшь! Ты просто супергёрл у нас! – первым произнёс Вовка.

– Как бы нас завтра не пришибли, – пробормотал вечно осторожный Артём. Но его обычно никто не слушал.

Тут же одновременно заговорили все остальные, не в силах сдерживать эмоции. Ленку трепали по плечам, обнимали, хвалили, гладили по растрёпанным выцветшим волосам. Тошик тоже что-то говорил, в первую очередь потому, что вместе со словами избавлялся от страха.

Он, как и все, не мог остановиться какое-то время. Потом же, когда вокруг замолчали и стало тихо, Ленка негромко сказала:

– Делайте так же, ребята. Никогда и никому не давайте себя в обиду. Ага? Даже когда меня не будет.

Она это сказала без пафоса или нравоучений, а как-то по-простому, будто делилась давней историей, будто объясняла хорошим друзьям, как надо поступать правильно.

Тошик запомнил. И спустя всего месяц, когда выбирался с сестрой и друзьями из собственного дома, ожидая, что вслед из темноты квартиры на них набросится окровавленный разъярённый монстр, он думал об этих Ленкиных словах. Никогда нельзя давать себя в обиду.

– Откуда ты такая взялась? – спросил Шмыга.

– От лешего с ведьмой, – пожал плечами Ленка.

2

Через два дня после драки они снова собрались на футбольном поле погонять мяч. Ленка-пенка, как всегда, появилась будто из ниоткуда, незаметно. Вот её не было, а вот она уже привычно занимает место в воротах, бросив розовый рюкзачок около левой штанги. Разминается, значит.

Играли недолго, потому что ожидаемо заморосил мелкий дождь. Ещё с утра небо было затянуто плотными низкими тучами. Весна ещё не набрала силу и постоянно проигрывала бой отступающим холодам. К вечеру дождь колко царапал щёки, забирался под ворот.

Ленка, подхватив рюкзак, побежала под козырёк около трибун. Был там небольшой уголок, где они обычно сидели впятером, если поле было занято. Первым её догнал Вовка Зацепин. Потом подошёл Тошик, а за ним Шмыга и Артём. Дождь шуршал по козырьку, с уголков капало, и тонкие струйки воды медленно текли от трибун к ногам. Стоять тут было неудобно и холодно.

– Расходимся? – предложил Вовка, пряча руки в карманы джинсов и втягивая голову в плечи.

– Я вам разойдусь, – хмыкнула Ленка. – Я только пришла вообще-то. Мы что, слабаки, в непогоду расходиться?

– Пошли тогда в кафешку, что ли. У меня рублей двести есть.

– И у меня сто пятьдесят, – сказал Шмыга, потирая сопливый нос. – Надо идти, а то заболēju. Вы же знаете.

Он всегда болел, и с этим было не поспорить.

– Ребята, какая кафешка? – удивилась Ленка. – Давайте здесь останемся. Не хочу куда идти.

– Какие тогда предложения? – снова спросил Вовка.

– Сейчас всё устроим.

Ленка-пенка взяла рюкзак и вытащила сначала одно большое зелёное яблоко, дала Вовке, потом ещё одно – Тошику, и в итоге раздала всем по яблоку, словно у неё был не рюкзак, а бездонная волшебная котомка.

Тошик, изрядно подмёрзший, вгрызся в яблоко с неохотой, но оно оказалось на удивление сочным и вкусным.

– Если это всё, то я всё же за кафе, – сказал он. – Там хотя бы тепло.

– Тебе придётся остаться, – Ленка внимательно посмотрела на Тошика, будто одного её взгляда могло быть достаточно, чтобы заставить его куда-то не уходить. – Я покажу кое-что. По-хорошему, этого никто из вас не должен видеть. Но я почему-то вам доверяю. Мне кажется, мы с вами ещё натворим дел этой небольшой компанией.

Четверо парней с любопытством уставились на неё. Погода испортилась окончательно, потемнело, дождь уже не просто лил, а хлестал по козырьку, по пластиковым сиденьям на трибунах. Ему вторил разыгравшийся ветер. На поле, на детской площадке и около домов никого уже не было, люди разошлись. Разве что проезжали по дороге редкие автомобили, разрезающие неожиданные осенние сумерки светом фар.

Ленка села на влажную траву и вдруг вытряхнула из рюкзака сверток с самой настоящей палаткой для кемпинга. У отца Тошика была такая. Собиралась просто, была однослойной, от дождя защищала так себе. Летняя. Вот только никак она не могла уместиться в крохотном подростковом рюкзаке.

– Ну что глазеее, разбирайте, кто умеет, – подсказала Ленка. – Там дел на три минуты, если рукастые.

Тошик подошёл первым, стал распаковывать. Рядом деловито засуетился Вовка. Артём спросил:

– Как у тебя такой фокус получился?

– Это не фокус. Просто рюкзак бездонный. Что хочу, то и достаю.

– Ладно тебе, – настаивал Артем. – В яблоки я ещё поверю, они точно влезают. А вот в палатку... Ты её где-то под лавочками прятала, да?

Он даже обошёл несколько раз вокруг сидящей Ленки, пытаясь найти между лавочек или за её спиной какие-нибудь доказательства.

Вовка с Тошиком тем временем собрали палатку (была она синего цвета и внешне вряд ли бы вместила пятерых человек). Ленка кивнула им, залезайте, мол.

Тошик забрался. За ним, пыхтя, втиснулся Вовка. Потом показал сопливый нос Шмыга. Места внутри было ещё много. Удивительно много. Откинулся полог, влетел сначала розовый рюкзак, а затем и проворная Ленка. Она села, скрестив ноги, и продолжила грызть яблоко.

– Ну как вам? Отличное продолжение вечера?

– Чудеса! – восхитился Вовка. – Как это получилось-то в самом деле?

– Я же говорю, бездонный рюкзачок. Мой верный друг. Подарок, между прочим. От мамы.

Позже всех в палатку заглянул Артём. Он с опаской сел у входа, пощупал материал сверху и снизу, втянул носом воздух. Сообщил:

– Морской солью пахнет.

Тошику на мгновение стало страшновато. Не до такой степени, чтобы сбежать, но достаточно, чтобы держать ухо востро. Он прислушался и понял, что звуки улицы пропали. Не было слышно ни автомобильного шума, ни дождя.

– Ветра нет. – Сказал вдруг Артём дрогнувшим голосом. Позже он утверждал, что совсем не испугался, но ему никто не поверил.

Действительно, звуков ветра внутри их странного убежища тоже слышно не было.

– Не бойтесь. Вы же верите в сказки? Да, понимаю, в шестнадцать лет сложно вообще верить во что-то такое, но всё же. Читайте, что я вас кое-куда переместила. Туда, где нет дождя и немного тише, – отозвалась Ленка. – Так иногда случается, потому что мир маленький. Намного меньше, чем мы думаем. За три месяца можно доехать до края света и увидеть безбрежный океан Вечности, который заканчивается Ничем.

Тошик знал, откуда эта цитата. Ленка усмехнулась и неожиданно спросила:

– Это ведь твоя мама написала несколько книг про Город Спящих?..

От этого вопроса Тошик уже успел отвыкнуть. Его задавали почти все одноклассники и учителя несколько лет назад, когда мамину книгу экранизировали и показывали в кинотеатрах на Новый год.

«Сказки Города Спящих» – цикл историй о приключениях девочки Нелли и её подруги Ады на границе миров – загадочном месте, где собирались фантазии и грёзы подростков со

всего света. Мама написала девять книг про Нелли, но третья, давшая название всему циклу, оставалась самой популярной. В ней речь шла о том самом городе, через который шли люди, уже умершие, но ещё не достигшие конечного пути.

На Тошика обрушилась известность ровно после новогодних праздников. Шмыга притащил из дома книжку и рассказал всем в классе, что её написала мама Тошика. А ещё Шмыга ходил в кино – и это, скажу я вам, полный улёт, такой крутой фильм, что прямо не описать словами, подумать только, что Тошик умолчал, что его мама такие классные книги пишет! До фильма никто не знал, что мама Тошика известная детская писательница. Фамилия у него была распространенная – Крюков. Мало ли на свете Крюковых, пишущих книжки? А вот в кино неожиданно появилась надпись, шедшая в начальных титрах: «Посвящается моей семье. С любовью – Антону и Вике». Крюковых, может быть, много, а вот Тошик Крюков такой один. Шмыга провёл расследование в социальных сетях, нашёл фотографии Тошиковой мамы, раздающей автографы на каком-то мероприятии, и всё сразу понял.

Одноклассники, что называется, зажали Тошика в угол, и ему ничего не оставалось, кроме как признаться. Да, Надежда Крюкова его мама, да, это она писала книги про девочек Нелли и Аду, и ещё несколько книг про соломенного тролля, город вверх-тормашками, изобретателя Ивахина и бегемотов с соседней улицы. По нескольким её книгам сняли мультфильмы, которые крутили по разным телеканалам. Разумеется, одноклассники смотрели эти мультфильмы. Популярность Тошика внезапно взлетела до небес.

Тошик же популярности сторонился. Если бы он в то время знал значение слова «интроверт», то без труда примерил бы его на себя. Он не любил излишнего внимания, не любил быть в центре событий, и уж точно не хотел, чтобы каждый в школе – от учеников младших классов до завуча – тыкал в него пальцем, задавал вопросы или же просто просил передать маме книгу для автографа. Таких книг у Тошика побывало штук тридцать. Он таскал их домой, передавал маме, относил обратно, подписанные, чувствуя себя каким-то бесплатным курьером.

Мама успела провести в школе несколько открытых уроков, по просьбе директора. На них она рассказывала о своих книгах, о пользе чтения хорошей литературы, о сказках и о новогоднем фильме. Все, кто хотел взять автографы – взяли. Все, кто хотел увидеть знаменитую писательницу живьём – увидели. Вскоре шум утих, и к облегчению Тошика, на него перестали обращать внимание.

– ...Да, это его мама писательница, – сказал Вовка Зацепин. – Популярная личность. Ко мне тут недавно какой-то случайный мужик подходил во дворе, на маньяка похож, огромный такой, спрашивал, где найти Надежду Крюкову. Я чуть было не испугался, решил, что лучше не говорить. Мало ли. Вот ты, Ленка, может тоже маньяк у нас, а?

– Волшебство – внутри нас. Всё, что мы видим, потом преобразуется в грёзы и заставляет нас мечтать, – сказала Ленка. – А мечты меняют мир, да?

Пацаны, жующие яблоки, уставились на Тошика, будто только он знал ответ на этот вопрос, взятый из книги его мамы.

– Ты откуда взялась? С неба, что ли, упала? – удивился Тошик. – Все знают, что моя мама писательница. Только это уже пройденная тема.

– Мне только вчера сказали, я чуть с ума не сошла от удивления. Это же моя любимая книга, особенно третий том, про Омертвевший дом и застывшее время.

– Так уж и любимая, – усмехнулся Тошик. – Ты, это, прости, что я с сарказмом. Просто мне сто тысяч раз уже говорили об этом.

Ленка вскинула вверх руки:

– Всё поняла, не лезу. Просто подумала, что это же круто – быть сыном такой вот популярной писательницы. Новый фильм снимать не собираются?

– Мы его уже с потрохами сожрали этими вопросами, – доверительно заметил Артём. – Тошик, как настоящая суперзвезда, держит интригу. Никому ничего не рассказывает.

– Потому что нечего рассказывать. Я в мамины дела не лезу. Пишет и пишет, чего такого?
– Ну, знаешь, не у каждого ребёнка родители вот так запросто становятся популярными на всю страну.

– Было бы чем гордиться...

– Я маму как-то уговорила приготовить гюзлы, – продолжала Ленка. – Ну, это любимая еда обитателей грёз из Школы Фиолетового Тумана. Пятая книга, помнишь? Ада отправилась сама через дорогу мёртвых... Гюзлы, такие штуки из теста, с сыром... Ты же в курсе, да?

– Мне мама читала свои книги ещё в черновиках, – ответил Тошик. – Каждую главу из тетради. Я, считай, все книги наизусть знаю.

– Это же здорово!.. Прости. Я снова лезу, куда не просят.

– Ничего страшного.

– Ему нравится внимание, просто он стесняется в этом признаться, – заметил Вовка Зацепин. – Сам бы тоже книги писал, да? Если бы талант был. Или что там нужно? Муза?

– Тяжёлый и упорный труд, и ничего интересного, – ответил Тошик. – Так мама говорит. А вот ты так и не сказала, что это за палатка такая. Мне кажется, это интереснее, чем очередной разговор про мою маму.

Ленка потрянула головой:

– Эта палатка из мира грёз, в который попала Нелли. Второй том. Глава «Переправа на дне косой лодки». Палатка волшебная. Создает тепло и уют, огораживает от опасностей и забирает негативную энергию. Мощный артефакт, знаешь ли. На дороге просто так не валяется.

Пару секунд стояла тишина, потом Артём завистливо присвистнул.

– Ну ты даёшь. Ленка-пенка, ободранная коленка. Ты тоже писательница, что ли? Ух, развелось.

– Нет, просто болтаю всё, что в голову приходит.

– Если ты фантазируешь так же, как дерёшься, то быть тебе новой крутой сказочницей! – Вовка поднял вверх руки, сжимая в одном кулаке яблочный огрызок. – Правом, данным мне из-за того, что я самый взрослый в нашей компании и всё такое, в окружении остальных пацанов, пока мы тут укрылись, сытые и довольные, наделяю тебя званием почётной сказочницы Мудровского микрорайона и конкретно дома шестнадцать проспекта Лебедева. Во веки веков.

Пафосную речь Вовка закончил прицельным броском огрызка в раскрытый Ленкин рюкзак. Огрызок по высокой дуге угодил аккурат в центр рюкзака и исчез в нём.

– Я не буду с вами спорить, – отозвалась Ленка. – Я не фантазёрка, но и не волшебница. Так. Девочка, которой очень надо было здесь появиться. Вот и появилась.

Шмыга хихикнул:

– Время страшных историй! Сейчас окажется, что ты призрак или зомби. А потом всех сожрёшь.

– Больно надо. Я не ем людей. К тому же я вам яблоки принесла. Стал бы зомби вас подкармливать?

Все дружно согласились, что не стал бы.

– Вот и я о том же. Познакомишь меня со своей мамой? – спросила Ленка, повернувшись к Тошику. – Это я набралась наглости и попросила. Всегда хотела увидеть человека, который умеет использовать фантазию на полную катушку.

Раньше очень многие его знакомые из школы напрашивались в гости. Обычно Тошик отказывал, делая исключение разве что для близких друзей, вроде Шмыги или Вовки Зацепина.

Он подумал вдруг, что Ленка не из их двора. Он вообще не знает, где Ленка живёт. Никто у неё никогда не спрашивал. Куда она уходит вечером после игр, в какую сторону? И откуда приходит? Кто она вообще такая? Ещё две недели назад он и понятия не имел, что на свете существует девчонка, которая ввязывается в драки с пьяными «технарями», говорит странные

вещи и играет в футбол, как заправский пацан. А теперь что? С какого неуловимого момента они стали друзьями? Почему он ест яблоко, которое Ленка притащила в рюкзаке, почему он готов – действительно готов – вот так запросто согласиться отвести её к маме?

– Ты задумался. Значит, наверное, не очень хочешь, – сказала Ленка.

– Он всегда задумывается, – шмыгнул носом Шмыга, косясь на свои кроссовки с промокшими мысками. Завтра с утра у него будет плотно заложен нос, да так, что не спасёт даже назальный спрей.

– Это же Тошик. Ему пятёрки на уроках ставят, потому что он молча сидит с умным видом на первой парте. Думают, что слушает, а на самом деле витает где-то в облаках, – добавил Артём.

С полминуты на Ленку сыпалась самая разная информация про Тошика, большей частью выдуманная. Ленка посмеивалась. Тошик даже смутился от того, как сумел закопаться в собственных мыслях от невинной в общем-то просьбы.

– Приходи, как захочешь, – сказал он. – Я маму предупрежу.

– В субботу! – с готовностью сказала Ленка и протянула руку.

Тошик пожал её.

– Теперь вы почти муж и жена, – хохотнул Вовка Зацепин. – Пока смерть не разлучит вас и всё такое.

Он даже представить себе не мог, насколько был близок к истине, упомянув про смерть. Но в тот день никто, даже обладавший богатой фантазией, не представил бы, что случится с ватагой пацанов и девчонкой всего через неделю.

Удивительно, но сейчас всё происходящее уже ничуть Тошика не удивляло. Он как-то сразу принял необычность ситуации, поверил в неё. Наверное, потому что и остальные тоже поверили.

Ленка обвела всех взглядом, спросила:

– Кто-нибудь из вас верит в мир грёз?

– Во что? Туда попала выдуманная девочка Нелли? – спросил Шмыга, вытирая ладонью сопливый раскрасневшийся нос.

– Ну, да. Там, где она могла воплотить все свои мечты. Стала сочинять волшебную музыку, познакомилась с замечательными людьми, ввязалась в различные приключения. Вы и без меня знаете.

– Я только фильм смотрел, – сказал Вовка. – Мне шестнадцать, у меня другие увлечения. Я верю в то, что окончу школу без трояков и поступлю в военное училище. А ещё мне надо тренироваться ездить на папином «Форде», чтобы через год получить права. Так что не до грёз.

– Это же фантастическая книжка, а не историческая. Нелли выдумка. Вроде Деда Мороза или вампиров, – сказал Артём. – Как в это можно верить?

– Если представить на минутку, что мир грёз существует, то я бы хотела там оказаться, – сказала Ленка. – Помните, как туда попадают? Нужно найти место, где стоит Омертвевший Дом, а в доме живёт проводник. Он поговорит с тобой, и если ты годишься для путешествия, проведёт через мост напрямиком к грёзам. Я бы хотела встретиться с проводником.

– Зачем? – спросил Тошик.

– Поговорить и пройти через мост. В грёзах ты можешь делать всё, что захочешь, – пожал плечами Ленка. – Как если бы ты стал супергероем. Только вместо способности летать или стрелять паутиной научилась бы управлять собственными мечтами. Разве не круто?

– Нет, там не так. Не ты управляешь мечтами, а они тобой. Нелли из-за этого каждую книгу попадает в разные переделки. Сложно понять, о чём ты на самом деле мечтаешь. Мечты – это ведь не статусы в социальной сети. Это нечто очень глубокое, очень внутреннее. Я же знаю все истории наизусть, помнишь? Мы можем об этом миллион лет разговаривать.

– Я вообще в интернете наткнулся на такую теорию, что грёзы – это мир мёртвых, – вставил Артём. – В книге описывается мир после жизни. Нелли – мёртвая девочка, и она прошла через мост, потому что была мертва. Там только мёртвые могут проходить. Странная штука, конечно...

Ленка, слушая, качала головой, хотя было видно, что думает она о чём-то своём.

– У вас есть мечта? – спросила она, оглядев присутствующих. – Какая-нибудь настолько сильная, что вы всё время о ней думаете, вертите в голове, не хотите отпустить? Чтобы вы были готовы отправиться за ней, ну, например, даже после смерти. В Город Спящих?

Тошик неопределённо пожал плечами. Мечты, может, и были, но уж точно не такие, чтобы ради них всё бросить и отправиться в выдуманный мир. Ещё когда он читал мамини сказки, никак не мог взять в толк, откуда вообще у людей берутся настоящие мечты? Может быть, у него с фантазией всё настолько плохо?

– Не знаю, – сказал он. – Может, я бы хотел велосипед, какого нет ни у кого в мире. Или приставку. Но приставку мне и так обещали за хорошие оценки на Новый год...

– А у тебя? – Ленка посмотрела на Вовку Зацепина.

Тот смутился, пожал плечами:

– Разве что права получить сейчас, а не через год. Ну и военное училище нормальное. Суворовское, например.

– А ты? – взгляд её перешёл на Шмыгу.

Шмыга, вытерев нос, сказал уверенно:

– Я мечтаю о том, чтобы прожить сто лет. Хочу посмотреть, как там будут люди жить в будущем. Интересно же.

– А я ни о чём не мечтаю, – добавил Артём. – Если уж мы все делимся. У меня мечты нет.

– Почему? – удивилась Ленка.

– А зачем? Есть цели, я к ним иду. Школу окончить, потом университет. От родителей хочу съехать, как деньги появятся. А дальше буду думать. Если о чём-то мечтать, то делать ничего не будешь, потому что мечта – это вера в несбыточное. Она расслабляет. Люди мечтают потому, что не хотят достигать целей. А я делаю наоборот.

– Тогда верни яблоко, – засмеялась Ленка. – Ты о нём не мечтал и не заработал. Нефиг!

– Я его уже съел.

– Должен будешь!

Ленка оглядела их небольшую компанию, потом растянулась на полу палатки, подложив руки под голову. За ней, посомневавшись, неуклюже завалился на спину Шмыга. За ним Вовка, Тошик и уже потом вечно сомневающийся Артём. От материала палатки исходило тепло, оно приятно окутывало тело и заставляло забыть о том, что на улице дождь, осень, холодный ветер.

– Нас согревает фантазия, – сказала Ленка, будто прочитала мысли. – Перестанете мечтать – умрёте. Ну и прямая дорога в Город Спящих, да.

И она засмеялась деланным зловецким смехом.

– А теперь уж точно страшные истории! – весело вставил Шмыга. – Итак...

3

До выходных Тошик совсем забыл о встрече. Дома навалились дела, суматоха. Выяснилось, что к маме издалека приехали гости.

Она в субботу утром затеяла генеральную уборку, выгребла с балкона старый хлам, натёрла до блеска окна, пропылесосила, намыла пол, а ещё привлекла к работе Тошика.

Тот не то чтобы был против. Он привык помогать, а тут уборка была приурочена к встрече гостей, которые свалились будто снег на голову и должны были заявиться в ближайшее время.

Мама торопилась, а спешка к добру не приводит. В итоге, случайно разбилась большая керамическая кружка, осколки разлетелись по всей кухне, пришлось отодвигать диван и заново всё перемывать. В это же время пришли гости, их было много, они были шумные и вели себя так, будто были знакомы с мамой и с Тошиком много лет. Две старушки, похожие как близнецы, но с разным цветом волос (а ещё одна была выше другой примерно на голову), поймали Тошика в коридоре и принялись ворковать о том, какой он был маленький всего несколько лет назад, какой несмышленный и забавный, особенно когда не произносил букву «р». Тошик старушек не помнил и даже не знал, откуда они вообще взялись в маминой жизни, но терпеливо им улыбался, а при первой же возможности сбежал в детскую комнату.

Там на своей кровати сидела Вика с планшетом и смотрела мультики.

– Очень шумно у нас, – с серьёзным видом сказала она.

Тошик был с Викой согласен. Он выскользнул на улицу и гулял с Вовкой Зацепиным и Артёмом по торговому центру до вечера.

Когда солнце стало медленно уплывать за крыши высоток, они отправились домой. Погода испортилась, небо укрыли плотные серые тучи, а холодный ветер то успокаивался, то рвался с места, как бешеный пёс, и так и норовил укунить за щеки и подбородок. Тошик кутался в куртку, высоко поднимая воротник. Он не сразу расслышал, как Артём сказал:

– О, а вот и наша фантазёрка.

Тошик повернул голову и увидел Ленку, стоящую на перекрёстке под светофором. Тут-то он и вспомнил об обещанной встрече с мамой. Выходило неловко – мама развлекала гостей, и Ленка-пенка была совсем не к месту. Тошик даже хотел быстро придумать какое-нибудь оправдание, но в голову ничего толкового не лезло.

Ленка была одета так же, как и всю неделю – в короткие джинсы, которые заканчивались чуть ниже колен, в футболку без рукавов и в потрёпанные кроссовки без носков. Кажется, Ленке было совсем не холодно – хотя вот Артём дрожал даже в тёплой осенней куртке.

Тошик помахал Ленке, и она помахала в ответ.

– Твоя преданная фанатка, – хохотнул Вовка. – Ты там это, не упускай шанс, дружище.

– Тошик у нас ловелас, – добавил Артём. – Надо бы всем в классе рассказать. А то никто и не знает.

– Заканчивайте трёп. Я же к маме её веду, а не на свидание.

– Ага, к маме, слышали уже...

Больше они уже ничего не сказали, потому что перешли через дорогу и оказались рядом с Ленкой. На щеках у неё, заметил Тошик, проступила краснота, а губы, наоборот, побледнели. Ветер растрепал белые волосы.

– Идём? – спросила Ленка, легко кивнув в знак приветствия.

Она была слишком серьёзная и сосредоточенная. Тоже волновалась? На Ленку непохоже. Хотя, с другой стороны, откуда Тошику знать, что она чувствует и как себя ведёт в таких ситуациях?

– Тебе не холодно?

– А должно быть? – спросила она, кусая губы. Потом повторила: – Пойдём?

Дальше пошли вчетвером, и никто не проронил ни слова, пока они не нырнули в свой двор, под арку стоящих впритык двух двадцатиэтажных новостроек. Футбольная площадка пустовала, а на детской резвилось несколько малышей с родителями. Вот уж кому непогода нипочём. Где-то среди припаркованных машин играла музыка, по двору звонко разносилось гитарное соло.

Парадная Тошика была ближе всех к арке. Он остановился, неловко переминаясь с ноги на ногу.

– Пацаны, до завтра.

– Расскажешь потом, – сказал Вовка, не уточнив, что именно рассказать и зачем.

Тошик направился к дверям парадной, впустил Ленку внутрь, зашёл сам.

– Сейчас. Сюда. Лифт. Десятый этаж. – Он засуетился, тихо выстреливая словами.

Шаги гулко отдавались эхом в пустом подъезде.

– Твоя мама знает, что я приду? – спросила Ленка уже в лифте. Она всё еще покусывала губы, хотя внешне больше никакой нервозности не показывала.

– Я предупредил.

– Хорошо, спасибо. – Она помолчала и добавила: – У меня к тебе будет одна просьба. Что бы ни происходило, никому ничего не рассказывай. Ни друзьям, ни папе, никому. Хорошо?

– Почему?

– Просто поверь мне на слово.

Перед дверью в квартиру Ленка вдруг сбросила с плеча рюкзак и выудила потрепанный третий том приключений Нелли. С букв уже давно слезла позолота, страницы разбухли, корешок наверху надорвался, открыв пучок золотистых нитей.

– Вот теперь готова, – сказала Ленка будто самой себе.

Тошик открыл дверь и первым зашёл в коридор. В коридоре стояла мама, ждала. Она была одета не в халат, в котором обычно ходила дома, а в тёмное красивое платье. Накрасила губы, отметил Тошик. Причесалась. Так мама обычно ходила на встречи с читателями. Разве что туфель на каблуках не хватало. И откуда она узнала, что он сейчас зайвится с Ленкой-пенкой?

Из кухни доносились приглушённые голоса старушек.

Мама была красивая, несмотря на сложную работу и бессонные ночи, несмотря на хлопоты с маленькой Викой. Той хоть и исполнилось шесть, но она до сих пор плохо спала по ночам и требовала к себе много внимания.

– Мам, я тут это, – пробормотал Тошик, удивляясь собственной застенчивости, – гостью тебе привёл. Фанатка. Книгу подписать, познакомиться. Моя подруга, Ленка.

Зашла Ленка и, оттеснив Тошика плечом, встала перед мамой, разглядывая её.

Они встретились взглядами, и Тошик сразу понял, что мама и Ленка друг друга знают. Невероятным образом, на неуловимом и необъяснимом уровне.

– Ленка, значит, – сказала мама негромко. – Интересное имя.

Что ж в нём интересного?..

– Проходи, Ленка, на кухню. Поговорим.

Пока Тошик разувался, мама взяла Ленку за плечо и проводила за стеклянную дверь. Он услышал, как удивленно охнули старушки, кто-то сказал отчётливо: «Да неужели? Ого, как выросла!», хотел пройти следом, но в дверях оказалась мама. Она сказала:

– Антон, милый, помоги сестре с телевизором. Что-то она разобраться не может.

– Но мам...

Она сжала губы, как делала, когда не желала, чтобы ей перечили.

– О чём таком серьёзном вы можете говорить с Ленкой? – насупился Тошик, но сопротивляться не стал и отправился в зал.

Вике помощи не требовалось, она отлично справлялась с планшетом. Тошик взял пульт, отстранённо нажал несколько кнопок. Было слышно, как кто-то за стенкой что-то громко говорит. Сил терпеть не было, Тошик поднялся, прислонился ухом к стене. Сквозь глухой бубнёж расслышал только обрывки фраз: «она бы ни за что...», «понятно, что в опасности...», «ищет, наблюдает...»

Происходило что-то необычное.

– Пройти не могу! – сказала Вика плаксиво и отложила планшет. – Включи мой канал. Я хочу там, где котики!

– Да будет тебе! – шикнул Тошик, быстро нашёл нужный канал и вышел в коридор.

Ленкин рюкзак лежал у входной двери, на кроссовках. Из кухни доносились скрипучие голоса старушек, сквозь матовое стекло были видны тёмные силуэты. Тошик вдруг почувствовал себя чужим в собственной квартире. Что он вообще здесь забыл?

Решение пришло быстро. Шмыгнул в ванную комнату, которая была соединена с кухней вентиляционной трубой. Прикрыл дверь, в темноте забрался с ногами на стиральную машину и, затаив дыхание, приник к пыльной решетке вентиляции. Тошик услышал, как одна из старушек сказала:

– Время вышло. Надя стала обычной женщиной этого мира. Она больше не проводник.

Голос Ленки-пенки:

– Я понимаю. Но и вы поймите, вариантов-то нет. Зверь бродит где-то здесь. Голодный и озлобленный. Он рано или поздно придёт, вынюхает. Ему наплевать, что она не проводник. Он сожрет её сущность.

– Я сумею за себя постоять, – голос мамы, уставший и немного виноватый.

– А за детей? Что вы будете делать, когда Зверь нападёт на них, как он напал на их отца? Вы себе это простите?

Голос Ленки сорвался на крик и тут же утонул в гвалте старушечьих голосов. Они шептались, бормотали, покрикивали:

– Не смей кричать, девочка!

– Она не права, но уже слишком поздно!

– Даже мы не в силах исправить ситуацию.

– Наберись терпения!

И среди этого вдруг мамин голос:

– Больше не о чем разговаривать, прости. Я не могу вернуться или прятаться. Нужно придумать что-то другое.

– То есть разговор окончен? – спросила Ленка-пенка.

Прошло несколько долгих секунд, прежде чем мама ответила:

– Да, конечно. Рада была увидеться. Я скучала.

Тошик сообразил, что все они сейчас выйдут из кухни – выскочил в коридор, щурясь от яркого света, и едва не столкнулся носом с мамой.

Она выглядела уставшей и бледной, уже не такой красивой, как несколько минут назад. Из-за её спины прошмыгнула Ленка и молча принялась обуваться.

– Я провожу, – сказал Тошик.

Ленка шевельнула плечом. Как угодно. Из кухни доносились перешёптывания старушек. Тошик вспомнил, что в маминых книжках про Нелли был совет старух, который собирался для того, чтобы принимать важные решения, связанные с миром грёз. Как-то этот совет даже занимался судом над Нелли, когда она вляпалась в приключение с Длинноногим. Неужели этот совет сейчас восседал на кухне их квартиры?.. Если только допустить на минутку...

Ленка, обувшись, набросила лямку рюкзака на плечо, буркнула:

– Я ещё загляну через пару дней.

– Буду рада видеть, – ответила мама.

Тошик с Ленкой вышли на лестничный пролёт, и Ленка запрыгала по ступенькам вниз. Тошик поспешил за ней. В голове у него метались странные мысли и не менее странные вопросы, но он не понимал, как извлечь их на свет, как задать правильно. Наконец спросил глупое:

– Вы с моей мамой раньше были знакомы?

– А разве не видно? – буркнула Ленка.

– Ты извини, я кое-что услышал из вашего разговора... Ты как будто хотела маму куда-то отвезти, да? Уговаривала.

– Я уговаривала её спрятаться или переждать опасность.

– Я совсем запутался. Какая может быть опасность и откуда ты о ней знаешь? – признался Тошик. – Ты можешь объяснить, не прыгать?

– Не могу. Знаешь, наверное, глупая это была идея, приезжать сюда. Иногда лучше ничего не делать, чем делать и потом жалеть.

Они пропрыгали до первого этажа и вышли на улицу, под мелкий весенний дождь. Ленка замерла под козырьком, держась руками за лямки рюкзака. Нижняя губа дрожала то ли от холода, то ли от желания заплакать.

Тошик молчал, жалея о том, что не взял зонт. Вот как теперь проводить Ленку до её дома? Хотя он даже не знал, где Ленка живёт.

– Тебе далеко идти?

– Сама доберусь, спасибо. – Ленка быстро спустилась с крыльца и зашагала под дождём наискосок, через опустевшую детскую площадку. Тошик наблюдал за ней, пока Ленка не свернула за угловой дом.

В голове была каша, мысли путались и не желали выстраиваться в какую-нибудь нормальную схему.

– Эй, мальчик, – окликнул Тошика мужской голос.

Под дождём на другой стороне дороги стоял высокий широкоплечий мужчина в сером костюме. Длинные чёрные волосы спадали на большое круглое лицо и блестели от влаги. На кончике тонкого носа зависла капля.

– Мальчик, подскажи, ты не знаешь, в каком подъезде живёт Надежда Крюкова, детская писательница? – спросил мужчина.

Он прятал руки в карманы, горбился. Выглядел, прямо скажем, отталкивающе. Тошик сразу вспомнил короткий диалог с Вовкой Зацепиным. Быстро помотал головой.

– Не знаю. Может, и не здесь вообще, – сказал он и быстрее ушёл в подъезд.

Почему-то Тошик испугался. Слишком много событий навалилось на него за этот короткий субботний день.

Туда и обратно

1

Ленка-пенка пришла к маме ещё раз. Теперь уже не было старушек, мама не готовилась суетливо, не пекла пирожков. Мама будто устала.

Тошик с Викой снова отправились в большую комнату. Тошик не ходил подслушивать – ему и за прошлый-то раз было чудовищно стыдно. Он терпеливо собирал с Викторией пазл, глазел в телевизор и пытался унять рвущееся наружу любопытство.

За несколько дней до этого Тошик рассказал всё друзьям. Вовка Зацепин, в свойственной ему манере, тут же выдвинул теорию, что Ленка – непризнанная мамина дочь от первого брака. Она сбежала из детдома или из плохой семьи и долгое время искала настоящую мать. А теперь вот нашла.

– И при чём тут тогда старушки и какая-то опасность? – усмехнулся Тошик.

– Может быть, твоя мама зашифровывала в своих сказках какие-нибудь тайные послания для дочери? – не остался в долгу Вовка. С фантазией у него было всё в порядке. – Мол, Нэлли – это Ленка-пенка. Приключения – это поиск родителей. И разные там крючочки в тексте, чтобы Ленка сбежала из плохой семьи и добралась до хорошей. А опасность – это злобные сотрудники детдома, которые идут по её следу.

– Ерунду ты думаешь, Вовка, – вмешался Артём. – Слишком сложно. Должно быть проще и реалистичнее. Может, Ленкины родители были знакомы с твоими?

Вовка деликатно обиделся.

– То есть всякие Ленкины штуки типа бездонного рюкзака и чудо-палатки тебя не смущают, а мой сюжет – смущает? – спросил он. – Выдумывай тогда сам.

– Я уже голову себе сломал, если честно, – признался Тошик. – Думал, может, мама как проводник, а?

– Ага, а тот мужичок, что нам встречался несколько раз, здоровый такой, на медведя похож, это, значит, злодей! – Шмыга вытер нос рукавом и изобразил сиплым голосом: – Гроб на колёсиках ищет ваш район! Гроб на колёсиках ищет ваш дом! Гроб на колёсиках ищет ваш подъезд...

От этих его слов стало неуютно...

И вот сейчас, сидя в большой комнате возле Вики, Тошик вернулся мыслями о гробе на колёсиках. А что, если широкоплечий и правда уже нашёл подъезд, этаж и ему осталось найти квартиру? Что, если появление Ленки и широкоплечего незнакомца связаны? Может быть, он и есть опасность?

Мама с Ленкой вышли из кухни через полчаса. Мама как будто плакала, но старательно затёрла слёзы. Ленка выглядела поникшей, была молчаливой.

– Провожу? – без надежды спросил Тошик, выглянувший в коридор.

Ленка шевельнула плечом:

– Ну, проводи.

Он быстро оделся, вышел следом за ней на лестничный пролёт. На этот раз ехали на лифте. Тошик не удержался, спросил:

– Ты ведь не сбежавшая из детдома мамина тайная дочь?

– Умеешь ты фантазировать, дружище, – улыбнулась Ленка, потом посмотрела на Тошика внимательно и задумчиво. – Тайны хранить умеешь?

– Ещё бы.

– Значит, слушай, – сказала Ленка серьёзно – серьёзнее некуда – и поправила лямку рюкзака. – Сначала тайна. Только обещаю, что не будешь смеяться. Тут надо верить, а не смеяться. Я на самом деле никакая не девочка из вашего двора, я...

Лифт остановился на первом этаже, дверцы раскрылись. На Тошика и Ленку смотрел, недобро ухмыляясь, тот самый широкоплечий человек в плаще и с длинными чёрными волосами, торчащими в разные стороны.

– Привет, милая, – сказал он, выдергивая руки из карманов.

Мясистые согнутые пальцы рванулись к Ленке, ухватили за ворот, выдернули из лифта на площадку. Ленка запнулась, упала на колени, проехала по кафелю пару метров к почтовым ящикам. А страшный человек дёрнул её, поднимая, и вдруг со всей силы ударил по лицу. Всё произошло так быстро, что Тошик не успел отреагировать – он так и застыл в лифте, наблюдая. А потом – прыгнул вперёд, на спину человека, отчаянно и зло вопя.

Ему было страшно до чёртиков, но в то же время Тошик понимал, что не отступит, не расцепит хватку, даже если его будут оттащить десять таких вот широкоплечих.

Он видел, как дёрнулась голова Ленки, а из разбитых губ брызнула кровь.

Человек отпустил её, завертелся, пытаясь сбросить Тошика. Зарычал по-звериному, изогнулся и прочертил спину Тошика по почтовым ящикам. Загремело железо, Тошик почувствовал скачущую боль внутри, что-то с хрустом разорвало его куртку и впилось в бок. Заметил, как прыгает на человека Ленка, отчаянно молотя руками куда попало. Он легко отбросил её сильным ударом, затем вдруг кувырнулся как-то странно и нелепо – головой вниз, одновременно выгнув огромные руки, зачерпнув Тошика за шиворот и содрав с себя. Тошика завертело, перед глазами вспыхнули белые пятна. Он вроде бы упал на пол, проехался животом по кафелю, ударился о дверь затылком.

Широкоплечий нагнулся над Ленкой, отвесил ей оплеуху, стащил рюкзак и тут же принялся рыться в нём, глубоко засовывая руку внутрь.

Ленка вскочила, пошатываясь. Тошик тоже попытался встать, но у него не получилось с первого раза.

– Ну где же, давай, не сопротивляйся, – прошипел человек, и голос его эхом разнесся по площадке. – Я пройду, и всем будет хорошо. Неужели отдала? Ну, зараза!

Он выдёргивал из бездонного нутра рюкзака зелёные и спелые яблоки, блокноты, смятые листы, заколки, мягких кукол, сандалии, шкатулки. Швырял, не задерживаясь, в стороны и снова запускал руку вглубь.

– Убирайся! – пробормотала Ленка.

Тошик с ужасом увидел у неё в руке нож с длинным тонким лезвием.

Ленка бросилась на этого страшного человека, замахнувшись, и вонзила нож в левое плечо. Он взвыл, роняя рюкзак, выдернул нож правой рукой и тут же ударил им Ленку, наотмашь. Потом ещё раз, ткнул лезвием ей в область живота. Всё произошло в считанные секунды. Тошик не успел моргнуть – а Ленка уже падала на кафель, зажимая рану руками. Между её пальцев сочилась кровь. Глаза у Ленки были большие-большие, удивлённые-удивлённые.

Человек же отпихнул Ленку, распахнул дверь подъезда, впуская серую весеннюю хмарь, звуки автомобилей, детский смех с площадки, и чуть ли не кубарем скатился по ступеням вниз. Тошик заметил лишь, как он, споткнувшись, чуть не угодил в лужу и побежал куда-то через дорогу. Затем дверь закрылась, щёлкнул доводчик, и стало тихо.

В голове Тошика тоже что-то щёлкнуло. Он бросился к Ленке-пенке, на ходу выдёргивая из кармана телефон. Срочно, позвонить в полицию, в больницу, маму набрать, чтобы спустилась. Надо помочь!

Ленка елозила ногами и никак не могла зажать рану. Пальцы её были в крови, одежда тоже.

– Погоди, Ленка, погоди, – зашептал Тошик, он волнения и страха промахиваясь на вводе пароля телефона. – Я сейчас, не умирай, пожалуйста, хорошо? Не умирай.

– Не надо куда звонить, – сказала Ленка. – Будет только хуже.

– Не бойся, слышишь? У нас хорошая больница, на ноги быстро поднимут. Найдём этого... этого человека, камеры во дворе есть, мигом отыщем.

– Не надо меня в больницу, – снова сказала Ленка. Она попыталась подняться на ноги, но поскользнулась и тяжело прислонилась спиной к батарее. – Надо в город. Только туда.

– Что? В какой город?

Он подумал было, что Ленка бредит. Но она цепко схватила его за руку.

– Позвони Вовке Зацепину. Пусть приедет на папиной машине. Он же уже умеет ездить? – голос Ленки вдруг сделался серьёзным, со взрослыми интонациями. – Потом вынесешь меня и положишь на заднее сиденье. Никто не увидит. Мы съездим кое-куда, решим вопрос. И я не умру, договорились?

– Что? – снова переспросил Тошик, затем поправился. – При чём тут Вовка? У него прав нет, его же сразу остановят.

– Не остановят. Позвони, прошу.

Тошик пару секунд колебался, переводя взгляд с телефона на корчащуюся на полу Ленку. Удивительно, что в подъезд до сих пор никто не зашёл. Потом набрал Вовку, плохо соображая.

– Гулять? – спросил беззаботный Вовка в трубке.

– Нет, Вов, слушай, срочно нужна помощь. Тут Ленка в беде... умирает или что-то такое... Сможешь на машине ко мне подъехать?

Вовка охнул, перешёл на шёпот:

– Вы куда вляпались, ребята? Уголовка? Или что? «Технари» эти вас выследили? Почему не в больницу?

– Подъедешь или нет? Тут на месте расскажу. Это срочно, Вов. Очень срочно.

– Конечно, подъеду! – почти без паузы ответил Вовка. – Отец как раз спит. Сейчас ключи возьму и мчу.

Он действительно примчал – через пять минут уже сбросил сообщение, что стоит у входа. Правда, эти пять минут растянулись для Тошика в вечность. Он сидел возле Ленки на корточках, держал её за ледяную руку и молился, как умел, чтобы никто не вошёл или не вышел. Многоэтажный дом как будто затих, ожидая развязки.

– Рюкзак... – попросила Ленка, когда Тошик хотел поднять её. – Хлам... оставь... шарик и три яблока возьми...

Кругом валялись вещи из рюкзака. Одно большое зелёное яблоко откатилось к почтовым ящикам. У ног Ленки лежал шарик из фольги, обмотанный красной нитью. Такой же шарик Тошику дарил отец несколько лет назад, но, когда отец ушёл из семьи, Тошик выбросил шарик в мусорное ведро и больше о нём не вспоминал. А тут...

Он сгрёб нужное, распахнул по карманам, потом поднял Ленку и поволок к выходу. Рукоять ножа, торчащего из живота, подрагивала.

Толкнув плечом входную дверь, Тошик тут же почувствовал запах весны. Прохладный ветер взъерошил волосы. Как же приятно было оказаться здесь, будто подъезд и улица находились в разных мирах. Там – смерть и кровь, здесь – распускающиеся почки на деревьях, блики солнца в лужах.

Вишнёвый «Форд» Вовкиного отца стоял у крыльца, нагло наехав передними колесами на тротуар. Вовка, увидев вывалившихся из подъезда Тошика с Ленкой, распахнул дверцу и рванул к ним. Вдвоём уложили Ленку на заднее сиденье. Она тут же свернулась калачиком, убрав одну руку под щеку. Поманила Тошика к себе и, когда он нагнулся, торопливо зашептала:

– Положи шарик из фольги перед собой. Езжайте по направлению, куда будет показывать конец нити. Чем сильнее нить шевелится – тем вы ближе. Ясно? Когда шарик сам начнёт кру-

тяться, то есть вообще сам, без вас, значит, вы почти приехали. Съешьте яблоки, обязательно. Это проводники. Потом будет туман. Не удивляйтесь. Лес и запах моря. Знаете, солоноватый такой. Как подъедете к нужному месту, я скажу остановиться.

Тошик ничего толком не понял, потому что в голове была каша.

– А если ты умрёшь по пути? – спросил он.

– Глупый, я не умру, мне уже поздно, – она улыбнулась потрескавшимися губами. – А вот вам надо поторапливаться...

Он достал шарик, покрутил в ладони, пытаясь найти прилипший кончик нити. Забрался на пассажирское сиденье спереди. Вовка сидел за рулём – такой крохотный в большом салоне. Сосредоточенно барабанил пальцами по баранке.

– Я тебе по дороге расскажу, – пообещал Тошик и положил шарик на бардачок перед собой. – Следи за нитью, она будет нашим навигатором.

– Если не расскажешь, я тебя тут же с Ленкой и высажу, – сухо ответил Вовка и дал газу.

2

Ленка заговорила, когда машина выскочила на широкий проспект и направилась в сторону выезда из города.

– Я же хотела про тайну, – пробормотала она. – Хотите услышать?

Вовка не отрывался от дороги. Он ещё не получил права, но уже год как учился ездить с помощью отца, знал наизусть правила дорожного движения и несколько раз мотался за рулём до ближайшего супермаркета. Но вот такой опыт, очевидно, получал впервые.

Тошик полуобернулся, разглядывая Ленку, лежащую на заднем сиденье.

Крови, если не приглядываться, видно не было. Даже не верилось, что где-то там торчит нож.

– Тайна, – повторила Ленка и слабо усмехнулась. – Блин, на самом интересном месте прервал.

– Кто это был?

– Забытый Зверь.

– Так себя называет свихнувшийся книжный фанат?

Ленка снова усмехнулась.

– Ты вообще ничего не знаешь, что ли? Как они вас с сестрой воспитывали? Слушай и прозревай. Твой папа был охотником за нечистью. Он отлавливал... разных. Леших, оборотней, вампиров. Ездил по городам, искал, обезвреживал. А мама твоя – проводник из мира живых в мир мёртвых. Из Города Спящих и Омертвевшего дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.